

475/34

Крокодил

К 556, 1-16

МОСКВА

№ 1

Я Н В А Р Ъ

1 9 3 4

13

Рис. М. Черемных

Самая опасная угроза старому миру, которая растет не по дням, а по часам.

(тема М. Глушкова)

Я — гражданин обоех полушарий,
И в целом мире — паспорт мой таков:
Потомственный, почетный пролетарий,
Наследник всех культур и всех венов!
В моей улыбке — все надежды мира,
В моих глазах — всемирная весна.
Стихии солнца, моря и эфира
В подарок мне дала моя страна.

Я не знаком с пеленной суеверий,
И рабства дух меня не оскорблял.
Мои отцы открыли настежь двери,
Чтоб мозг и тело ветер закалял.

Я темных комнат не привык бояться,
На „бук“ и „бяк“ сжимаю кулаки,

Коль упаду, всегда смогу подняться
Без глупых слез, как все большевики.

Мой ум остер, и неустанны руки, —
Расту, учусь, играю и пою.
Весь инвентарь искусства и науки
Поставлен нынче в детскую мою.

Мой быстрый рост и крепкое здоревье
Врагам внушают злобу и испуг,
Но защищен я силой и любовью
От их костлявых и кровавых рун.

И голос мой звучит все шире, шире,
Отцов и матерей надеждой веселя,
Что скоро будет радостно в квартире
Под стареньким названием: „Земля“.
ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

82/2

ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНИЕ

Человек я довольно уже пожилой, а детей у меня не имеется. Правда, без них много спокойней, но все-таки иной раз и мне хочется пообщаться с молодежью. Отчего ж бы и нет? Мне — развлечение, а ей — польза. Ведь я дурному не научу. Происходит ли что, кончается ли первый год пятилетки, начинается ли второй, приближается ли XVII с'езд, — отчего бы ребятам не побеседовать обо всем об этом с культурным, пожившим и опытным человеком?

Вот только не имеется их у меня, ребят... Констатировал я этот факт, и стало мне даже скучно. Но, поскуцав, я сообразил:

— У меня не имеется, зато у других есть. Вот, мне известна случайно одна девчонка. Комсомолка она. Вера Брагина ее зовут. Побеседовать разве? И то, — побеседую!.. Ну-ка, поди-ка сюда, стрекоза!

— Это вы мне? — спросила Вера Брагина.

— Поди, поди сюда! Я дурному не научу. Небось, вроде как в папаши тебе го-жусь. У самого такие могли бы быть и даже постарше... Ну, словом, вот что: про XVII с'езд партии ты слыхала?..

— Допустим.

— Ах, да!.. Ведь ты никак подписала обращение московских рабочих? О производственном походе имени с'езда которое. Подписывала ты это самое?

— Подписывала.

— Скажи ж на милость!.. Давно ли пешком под стол ходила?.. Ну, да ладно: старайся. Я, брат, ведь тоже...

— Подписали?

— Нет. На общем собрании выступил. „Встретим, — говорю, — с'езд новыми победами. Наладим работу. Улучшим обслуживание. Изживем недочеты. Повысим качество. Закрепим достижения. Все, как одна, и сплоченными рядами!“

Вера Брагина засмеялась

— Ты чего? — спросил я.

— Так. Думаете, дельно выступили? Ведь все это ненужные, общие места, трескотня, аллилуйя. Нужно было выдвинуть конкретные предложения и дать конкретные обещания, а не пустословить!

— Ишь ты, поди ж ты!.. Молода еще учить то меня. Сама-то чего конкретного выдвинула?

— Я вот что, — серьезно сказала Вера Брагина. — Недавно я была судомойкой, а теперь — машинист аммиачного цеха. К с'езду партии обещаю добиться полного освоения циркуляционного насоса в отделении синтеза. Научусь определять мощность паровой машины и силу, затраченную на работу газа. Ознакомлюсь как следует с индуцированием. Вот это — конкретное!

Я горько вздохнул:

— И-да!.. Деточки нынче пошли. Ты им — слово, они тебе — десять. И слова-то какие-то... „синтез“, „индуцирование“. Нарочно выдумываешь? Нехорошо надсмехаться над собой постарше которыми! Сначала нос научись вытирать!

— Давно научилась. А слова простые. Но дело не в словах, конечно, а в освоении техники.

— Так, так. Я ей — слово, она мне — десять. Нет того, чтобы послушать, что старшие говорят да поучиться. Я ведь дурному не научу. Не чужак с тобой говорит. Стаж-то трудовой у меня побольше, небось, твоего. Слава те, господи, тридцать лет лямку тяну!

— Какую лямку?

— Ну, из хомута не вылезая...

— Из какого хомута?

— Из проклятого. Труджусь же ведь, — русским языком тебе сказано!

— Так разве труд — это проклятый хомут и лямка? Что ж за жизнь без труда?

— Плохая, конечно. Зубы на полку положишь. Ну вот и надсаживаешься. Пить, есть надо, обуться, одеться требуется, выпить, закусить — тоже, — ну вот и тащишь ярмо! Хорошо еще, что детей у меня нету. Одному мне много ли надо?.. Спрохвала можно работать, как-нибудь... А будь дети у меня, разве бы так я трудился!..

— Труд — лямка, ярмо? Социалистический труд?.. — с недоумением спросила Вера Брагина. — Трудятся потому, что пить, есть надо? Знаете, вы такие непонятные, странные вещи говорите... По-русски говорите, но до такой степени на разных языках мы с вами разговариваем, что я и не знаю... Ну, как же вам объяснить?

— А ты не объясняй, — сказал я. — Что это в самом деле: ты ей — слово, она тебе — двадцать! Объясняльщица тоже нашлась! Яйца курицу не учат!

— Да я не яйцо. Я — человек.

— Новый?

— Новый.

— А я кто же?

— А уж не знаю. Сказала бы: „Видна птица по полету“, да ведь „курица — не птица“!..

— Так, так. Я ей — слово, она мне — тридцать! Хотел уму-разуму научить, да разве с такой сговоришься? Ты ей — слово, она тебе — сорок! До свиданья! Всего хорошего! С новым годом!

И я пошел... То-есть нет: остался на месте, за столом, уставясь глазами в бумагу.

Потому что и весь разговор происходил на бумаге. Я ведь в Москве работаю, а комсомолка Вера Брагина — на Бобриковском химкомбинате. Как мне с ней говорить?

Ну, что ж делать. Своих детей у меня нет, — поучиться не у кого... Так хоть с чужими побеседовать. Хоть на бумаге. Хоть для заочного обучения.

ГРАМЕН

ЧЕЛОВЕК С ВЫВИХОМ

Рис. Л. Г.

— Я всегда готов идти навстречу пионерскому движению.

— Я всегда готов повернуться к нему лицом.

(Тема Е. Паина)

БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ

Кто большие, кто маленькие, — пусть судит читатель

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

заседания внеочередного расширенного президиума Горкома гуже-складских рабочих от I/XII — 33 г.

СЛУШАЛИ:

I
О подготовке к 17-му партс'езду.

II
О проведении 1-го городского шахматно-шашечного турнира по гужепредприятиям.

ПОСТАНОВИЛИ:

I
25 января состоится 17-й с'езд Великой Ленинской партии большевиков. Перед участниками с'езда откроется вид всей страны, которая за последние годы выросла, окрепла и стала неприступной крепостью рабочих и колхозников.
...Рабочие гуже-складского хозяйства вступают в одну общую шеренгу с рабочими Москвы на штурм... и т. д.

II
1-й городской шахматно-шашечный турнир провести под лозунгом „За боевую подготовку гужевых хозяйств гор. Москвы к 17-му партс'езду“ и т. д.

ВЫПИСКА ИЗ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

учеников 1-й группы „А“ 25-й образцовой школы Октябрьского района к XVII с'езду партии:

- 1) ни одного опоздания,
- 2) ни одного замечания на уроке,
- 3) ни одного „неуда“,
- 4) изучить жизнь и работу наших вождей.

ТОВАРИЩ АЛИК, СПАСИБО!

Не так давно, выпуская специальный номер „Крокодил-авиации“, мы объявили прием пожертвований на аэроплан „Крокодила“.

Читатели откликнулись на этот призыв и шлют нам деньги, сопровождая их теплыми письмами. Мы благодарим их всех, но особенное наше дружеское спасибо Алику Агасьяну, самому маленькому читателю „Крокодила“ и самому молодому жертвователю.

Вот его письмо в редакцию, которое говорит о советском ребенке больше, чем самая длинная статья:

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ
ПРИСЫЛАЮ ДЛЯ САМОЛЕТА
КРОКОДИЛ 10 РУБЛЕЙ Я ПОЛУЧАЮ
ПЕНСИЮ 100 РУБ. ЗАПИСАН НА ЗАЕМ
ИМОГУ КАЖДЫЙ МЕСЯЦ ПРИ-
СЫЛАТЬ НА САМОЛЕТ ПО 10 Р.
МОЙ ОТЕЦ БЫЛ КРАСНЫМ ПАРТИ-
ЗАНИНОМ И БОЛЬШЕВИКОМ. МОЕ
ИМЯ АЛИК. МНЕ 8 ЛЕТ И
КОГДА ВЫРОСТУ, БУДУ ТОЖЕ
ХОРОШИМ КОМУНИСТОМ
МОЙ АДРЕС: АРМЕНИЯ
ЭРИВАНЬ МЯСНОЙ РЯД,
БЫВШ. ГОСТ. „ФРАНЦИЯ“.
КОМ. ДР. В. АА АЛИК АГА-
СЯН.
ВЫЗЫВАЮ НА СОРЕВНОВАНИЕ ВСЕХ
ДЕТЕЙ ПАРТИЗАН

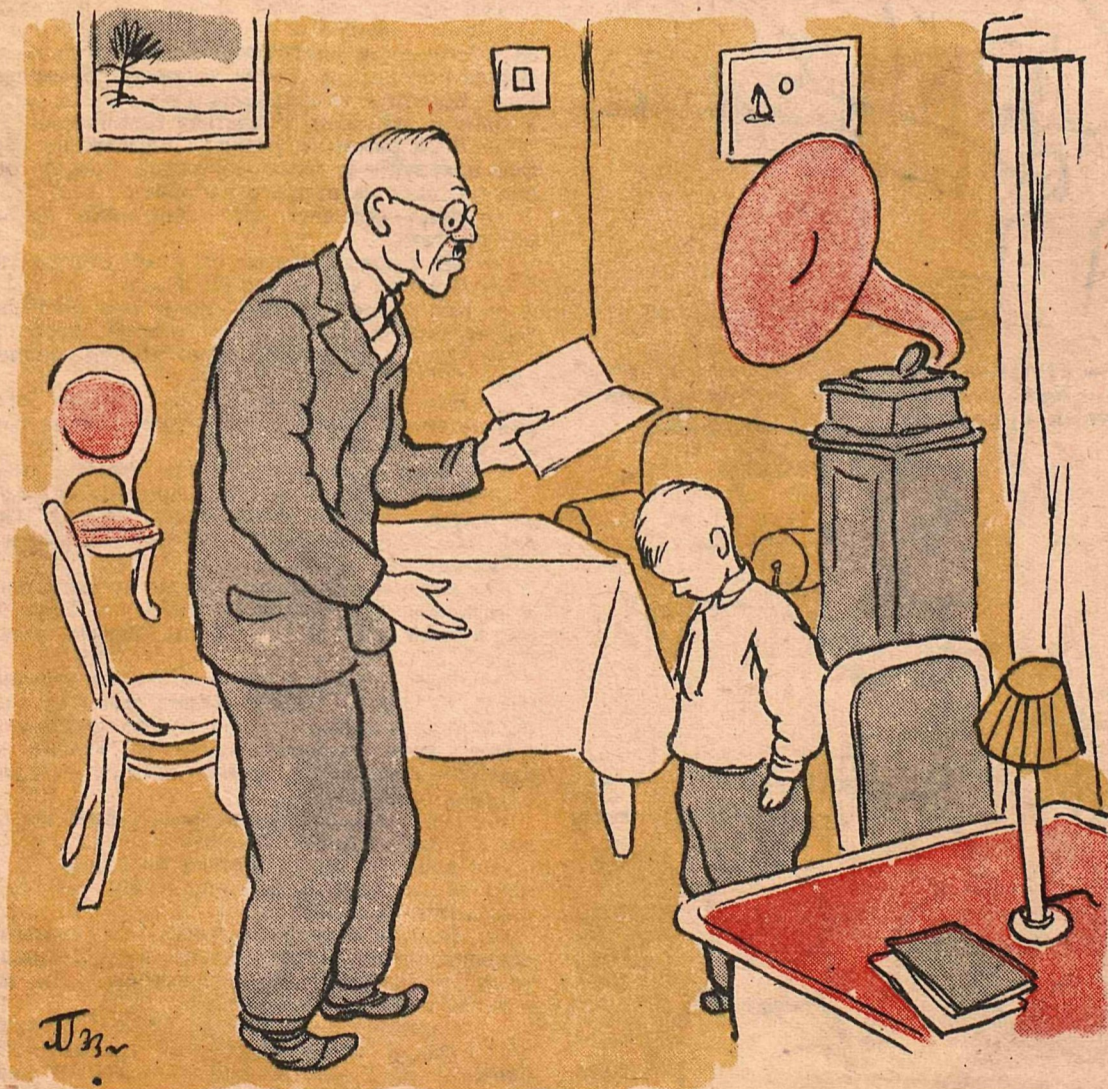
Спасибо, Алик! Твой вызов на соревнование обращаем ко всем юным читателям „Крокодила“. Кто поддержит Алика?

НЕУДАЧНАЯ НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

Рис. Л. Генча

— Вовочка, подвинься еще немного, — ты мешаешь танцевать!

— Удивляюсь, почему ты не успеваешь! Ведь я же был таким способным!

(Тема Н. Сац)

КУКЛА

Сегодня у Антонины был день ее рождения. — Двенадцать лет на этом свете уж отмахала, — сказала она белобрысой Лидке.

— Подарки будут?

Антонина сделала губами и плечами неопределенный жест.

— Неизвестно. Отца теперь нет, кто будет дарить? Разве только тетка Клавдия раскачается.

Этот краткий диалог произошел в раздевалке. Наверху прозвенел звонок. Лидка, вертясь мелькнув своей косичкой, шмыгнула в класс, а Антонина как председатель учкома пошла прямо в зал наверх принимать рапорт.

Строевые командиры в синих передничках или в куртках, в зависимости от пола, с красными от мороза щеками уже вели туда парами свои отделения.

Антонина в белых валенках и тоже с румяными от мороза щеками стояла перед строем на своем месте, у стены зала, под портретом Сталина. Повернув голову с розовой гребенкой в стриженных волосах по направлению к дверям, она, как какой-нибудь бригадный командир на смотре, смотрела на входившие в зал и строившиеся ряды.

Первый ряд начинался высоким, рыжим, веснушчатым Пашей Зубаревым, шел, все уменьшаясь по росту справа налево, и заканчивался маленькой, почти игрушечной пионеркой китайчочкой Ципи (местное прозвище от слова цыпленок), с гладкими черными, точно лаковыми волосами и узенькими, как щелки, черными глазками.

Построившись, все встали неподвижно, и только на левом фланге продолжалась какая-то возня. Оказалось, что запоздавшего маленького пионера, с крысиной мордочкой и оттопыренными ушами, все выпихивали на середину зала и не давали ему втиснуться в ряды. Приняв рапорт от Зубарева, вытянувшегося перед ней с поднятой рукой, Антонина, как всегда, спокойным голосом человека, имеющего власть, отдала команду:

— Направо равняйся! Строевые, давайте команду в классы! — И вся линейка, поворачивая направо и мерно колышась плечами и стриженными затылками, двинулась по направлению к классам, постепенно распадаясь на отделения.

Задние перед дверью в класс наскоро успевали надавать щелчков в затылок передним и с гиканьем бросались враспынную по своим местам.

После уроков в повестке дня оказалось заседание культ-массовой секции, заседание учкома. Эта история затянулась до шести вечера.

Повестка заседания, как нарочно, была самая кляузная: на учком были вызваны родители ребят, тех, что устраивали трамвайную колбасу, т.е., прицепившись гуськом к трамваю, катались на коньках.

Председательствуя, Антонина бесстрастным тоном задавала вопросы родителям проштрафившихся оболтусов. При этом глаз не поднимала, а чертила карандашиком на бумаге, — она видела, как делал председатель комиссии по чистке. И любопытно было взглянуть, как какая-нибудь мамаша начинала при этом нервничать, как будто перед ней сидела не пионерка, едва перевалившая на двенадцатую весну, а какой-нибудь председатель суда.

И если бы на учком вызвать ее собственную мамашу, Аграфену Ивановну, она так же потерялась бы перед собственной дочерью. Она и прежде была, как заблудившаяся в этой непонятной для нее жизни, а после того, как ее бросил муж, и вовсе растерялась.

Наконец с учком разделалась. Герои трамвайной колбасы получили то, чего добились их буйные головы: предупреждение с занесением в протокол.

— Завинчено крепко! — сказала Антонина, собирая листы протокола. Она натянула на голову вязаную шапку с шерстяным помпонам, надевавшуюся, как вывернутый чулок, и пошла вниз. Но сейчас же вздрогнула, как вздрагивает мирный путник, услышав вой и рычание дикого зверя: из нескольких углов вслед ей несся оголтелый крик:

— Учком — нос крючком!

Он исходил, конечно, от тех, кому сейчас пришлось фигурировать перед ней на учкоме.

— Колбасные идиоты! — крикнула Антонина и спокойно пошла дальше.

Полгода назад, когда она в первый раз услышала этот крик, придя домой, первым делом бросилась к зеркалу и долго со всех сторон рассматривала свой нос. Нос был, как нос. И только в угоду рифме и беспардонному

(Продолжение на 4-й странице)

хулиганству можно было так извратить истину.

Дома оказалась пришедшая тетка Клавдия. При входе Антонины мать сразу оборвала разговор. При чем глаза ее были заплаканы, а в руках она держала мокрый от слез платок. Вероятно, говорили об отце.

Что за маю распускать нюни перед всеми. Совершенно впала в детство. Вот уж никогда не показала бы вида, что личная жизнь может иметь какое-то значение.

— Господи, ну где ты пропадала! — воскликнула мать и даже всплеснула руками. — Совсем не живешь дома, точно у тебя семьи нет. Все в своем райкоме пропадаешь.

Антонина, не отвечая на эти каждый бо-жий день повторяющиеся трагические, но малограмотные восклицания, не торопясь, разделась, бросила пальто поперек на стул, потерла руками щеки и тогда уже поздоровалась с теткой. Потом, пролезши в своих валенках, села за стол, как садится пришедший усталым с работы хозяин дома.

— Ты переделалась бы...

— Хороша и так, — сказала Антонина и бросила взгляд на стол. Мать, не раздевавшаяся еще с предрассудками, слава богу, догадалась испечь к чаю сладкого хворосту.

— Ты очень серьезная стала, с тобой страшно даже разговаривать, — сказала иронически тетка.

— Просто я устала.

— А я тебе кое-что принесла...

Антонина сделала прилично заинтересованное лицо, и тетка вынула из-под шали руку, в которой у нее оказалась... кукла.

— Она хранилась у меня двадцать лет, теперь таких не найдешь!

Поистине нужно быть о двух головах, чтобы отмотать такую штуку. Где все-таки предел этому птичьему легкомыслию старушек? Ни бельмеса не смыслят в этой жизни, райкома от учкома отличить не могут, разговаривают только о картошке и об очередях и все-таки все время пытаются проявлять какое-то превосходство! Да еще ко дню рождения дарят куклу.

— Ну что, ты, кажется, недовольна? — сказала тетка.

Антонина пожала плечами.

— Нет, я довольна... но странно получать куклу в таком возрасте...

II

Антонина отнесла куклу в свой уголок отгороженный от комнаты шкафом, иронически еще раз покачала сама с собой головой.

Но кукле все-таки нужно было отдать справедливость: Антонина не могла с одного взгляда брошенного взгляда не оценить этого создания. Наряд, правда, был буржуазный, легкомысленный: платье из черных кружев с блестками. Но что в ней поистине было необыкновенно, так это — глаза. Совершенно круглые, немигающие, с длинными черными, точно жирно накрашенными ресницами. В них было выражение такого живого участия ко всякому горю, что, казалось, с ее ярко нарисованных губ готов был каждую минуту сорваться тревожный, сочувственный вопрос.

При чем опущенные руки у нее были сложены, как складывают певицы, когда стоят на эстраде перед публикой, слушая аккомпаниатора и ожидая своего вступления. Эта поза еще более усиливала выражение тревожного участия. Несмотря на легкомысленный наряд, душа этого существа была, очевидно, тонкая и чуткая.

Антонина попробовала сложить ей обе руки на груди.

Кукла, казалось, говорила:

«Бедное мое дитя, ты живешь одинокой с чуждыми тебе по духу старухами».

Антонина приложила ее правую руку к сердцу, и кукла говорила своими круглыми глазами и этим жестом:

«Поймите страдания одинокого, брошенного существа».

У Антонины вдруг защипало в носу. Дома прежде хоть был единственный человек — отец, который не говорил только о картошке, и не путал райкома с учкомом, мог интересоваться многими вещами, и тогда можно было еще жить в так называемой семье. А теперь он променял их на какую-то нарумяненную шлюшку, и она раза два видела его пьяным на улице... пьяным!..

Антонина едва успела зарыться лицом в подушку. Слезы хлынули у нее из глаз, и плечи начали судорожно вздрагивать. Сквозь беззвучные рыдания она шопотом твердила в подушку.

— Папка... папка, зачем?.. Папка...

Потом подняла голову и сквозь радугу слез взглянула на куклу. У той спутались и встали дыбом волосы. Казалось, что она с ужасом смотрела на такое проявление горя своей новой хозяйки. Антонина, обливаясь языком катившиеся через щеки соленые слезы, поправляла кукле волосы.

— Ты понимаешь, для меня личная жизнь — ерунда, — говорила шопотом Антонина, — но ведь это свинство — бросать в таком возрасте...

Минут через пять вошла мать с заплаканными глазами и сказала:

— Папа у Кутеповых... прислал Лиду... хочет повидать тебя... Скушает, просит притти.

Антонина едва успела при входе матери отбросить куклу на постель, и она лежала на спине, раскидав в стороны руки и глядя своими немигающими глазами в потолок.

Хороша была бы штука, если бы мать увидела, чем ее дочь — старая общественница — занимается на двенадцатом году жизни.

— Может быть, пойдешь? — робко спросила Аграфена Ивановна.

Антонина изо всей силы сжала под столом руку, точно от невыносимой боли и молчала.

— Ну, что же?..

Лицо Антонины приняло то бесстрастное выражение, с каким она выносила неприятные решения на учкомое своим близким друзьям, и она сказала:

— У пьяницев я не бываю... Если хочет видеть, может притти сюда.

ПАНТЕЛЕЙМОН РОМАНОВ

НОВОЕ В ЗООЛОГИИ

Рисунки К. Елисеова

— Мамочка, купи мне этого зайчика!
— Нет, милая, этот зайчик очень очень кусается!

(Тема В. Лебедева-Кумача)

МЕЧТЫ У АФИШИ

— Поскорей бы вырасти большим, — тогда можно будет посмотреть на стоящую детскую сказку!

(Тема Я. Бельского)

РОДИЛ И ПОРОЛ

Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова.
(илл. Митта)

Василий родил и порол Ивана
Иван родил и порол Сергея,
Сергей родил и порол Степана,
Степан родил и порол Евсея.

Евсей родил Егора, но с поркой
Дело совсем не пошло на лад:
Удрал из-под розог отца Егорка
С жалобой в пионеротряд.

И строго сказал Евсею вожатый:
— Подумай, в какие живем мы дни!
Закон советский блюди ты свято:
Родить ты вправе, пороить — ни-ни.

И. ОКСТОН

ДЕТВОРА

Четвертый номер мчался по Арбату.

Четвертый номер рыдал потрясающим трамвайным голосом и скрежетал, как гусеничный танк.

Пассажиры четвертого номера были отлично спрессованы внутри вагонов и потому безмятежно читали газеты стоя на одной ноге. Пассажиры, не спрессованные, висели на подножках и ругались свиреными трамвайными голосами.

Лишь один пассажир четвертого номера находился в особом положении. Он не стоял на одной ноге, но и не висел на подножке; у него не было билета, но зато было сравнительно спокойное, хорошо изолированное место, — он сидел на буфере. Особенных неудобств от того, что он сидит на буфере, а не внутри вагона, пассажир этот не испытывал. Неудобства возникли только на Арбатской площади. Здесь его слух неприятно поразил резкий младенческий крик миллицейского свистка. Он оглянулся, но нигде поблизости не заметил серого суконого шлема и белых перчаток. Только какой-то мальчуган, усиленно работая локтями и ногами, догонял его вагон. Мальчик этот, повидимому, был одинакового с ним возраста, но, очевидно, отличался большей ловкостью, нежели он сам. Буферный пассажир определил это сразу же по особой легкости и пластичности его прыжка, когда он, догнав, наконец, вагон и зацепившись чуть ли не одним пальцем за брезентовую колбасу, мягко опустился рядом с ним на железный таяк.

— Ты прыгаешь прямо, как Виталий Лазаренко! — сказал первый буферный пассажир четвертого номера и, видимо, из уважения к акробатическим способностям своего нового соседа подвинулся, давая ему место на буфере.

— Еще бы, — самодовольно усмехнулся тот. — У меня в прошлом трехлетняя тренировка.

— А ты разве не умеешь прыгать на буфер на ходу? — в свою очередь спросил он, строго глядя на первого пассажира.

— Нет, — сознался тот. — Мне мама не велит прыгать.

— Ну, и врешь. Не велит, а вот едешь же.

— А я так, чтобы она не знала.

— Все равно узнает, — иронически поглядывая на своего соседа, сказал второй пассажир.

— Нет, не узнает, — упрямо мотнул головой тот.

— Нет, узнает! — уже сердито крикнул второй пассажир и прибавил гораздо спокойнее, — и в школе узнают.

Первый пассажир подмигнул самому себе.

— Я не такой дурак, как ты думаешь. Я и сейчас еду в школу. Только раньше сойду. Понял? Наша школа вон там, на Моховой, а я сойду здесь.

Он оглянулся, выпустил брезентовый шланг и неуклюже плюхнулся на мостовую. В тот же миг второй пассажир ступил на землю рядом с ним.

— Идем, — сказал он, когда его бывший сосед по буферу собрал свои разбросанные по мостовой книжки. — Мне нужно поговорить с твоим групповодом и с вожатым. Только не вздумай удирать, все равно догоню. — И уже сердито прибавил:

— Тыфу! Из-за таких, как ты, чертей приходится даже на буфер прыгать.

По дороге в школу второй пассажир вдруг вытащил из кармана милицейский свисток и оглушительно свистнул.

— Эй, гражданин! крикнул он, указывая пальцем на какого-то толстяка, выпрыгнувшего из трамвайного вагона на ходу. — Вы, вы, с портфелем! Платите штраф.

— Я прежде был таким же буферником, как и ты, а теперь работаю в пионерской бригаде по борьбе с буферниками. И имею право штрафовать взрослых, — важно пояснил он бывшему своему соседу по буферу, уныло наблюдавшему за ним.

Г. ГРЕБНЕВ

„ВДАРИТЬ СО ВСЕЙ СИЛОЙ!“

Некоторые газеты до сих пор никак не могут понять, что самый хороший заголовок — это простой и грамотный. Они или вовсе забывают о читателе, давая вместо заголовка совершенно непонятное словосочетание или стараются ушибить читателя „ударными“, но вполне безграмотными лозунгами.

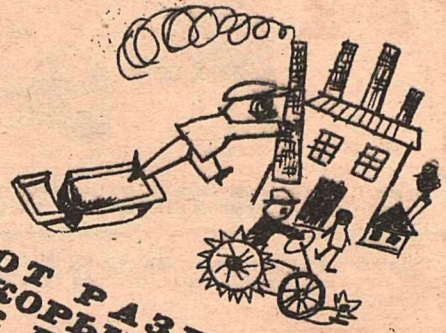
Ниже мы приводим ряд подлинных газетных заголовков. Для большей наглядности мы попросили мальчика Алешу Радакова нарисовать нам, какие картинки возникают у него при чтении этих газетных перлов. Пусть товарищи редакторы вочию увидят плоды своего таланта!

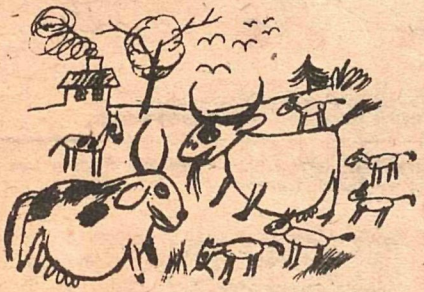
ЗАМЕЧЬ ВСЕХ ЕДИНОЛИЧНИКОВ
(„Валдайский колхозник“)

ОХВАТИТЬ МЛЖ КАЖДОГО КАНДИДАТА ПАРТИИ
(„Рабочий Балашиха“)

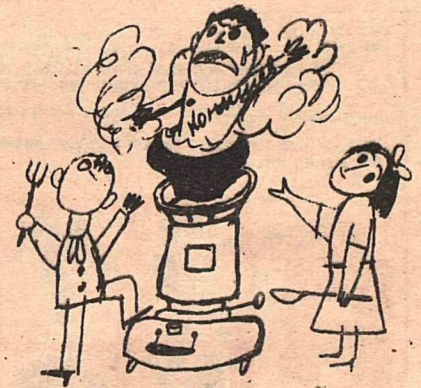
ОТ РАЗВИТОГО КОРЫТА — К ПЕРЕВЫПОЛНЕНИЮ ПЛАНА
(„Коммунар“, Петигорский район)

РАБОТА С НЕСОЮЗНОЙ КОЛХОЗНО-СОВХОЗНОЙ МОЛОДЕЖЬЮ — ЗАЛОГ УСПЕШНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА СТАДА
(„Приключенская коммуна“)

ВДАРИТЬ СО ВСЕЙ СИЛОЙ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ЗАКОНА ПО СРЫВЩИКАМ ПЛАНА ПОСТАВКИ МОЛОКА ГОСУДАРСТВУ
(„На-страже“, Михайловский район)

ВЫДВИЖЕНЕЦ КОНЬШЕВ ВАРИТОС В СОВЕТСТВЕННОМ СОКУ
(„Копейский рабочий“, Копейский район)

ЗАБУКСИРИТЬ ЕДИНОЛИЧНИКОВ
(„Валдайский колхозник“)

ДОГОНЯЙТЕ РЕВНИВЫХ
(„Тобольская правда“)

*Не знаю кто К.Р.О.
и П.Т.К. а потому
не нарисовал*
Алеша Радаков

РЕОРГАНИЗАЦИЯ К. Р. О. И ХОД НАБОРА В П. Т. К.
(„Штурмовик“, Лодовский район)

ПРИВЛЕЧЬ К ОТВЕТУ ЗА УГРОБЛЕНИЕ ПОШАДИ
(„Ленинский путь“, Завьяловский район)

ПОЩЕЧИНА КУЛЬПРОУ, ПРОПАГАНДИСТУ И БЮРО В ЦЕЛОМ
(„Ленинский путь“)

А З Б У К А Д Е Т С К

Текст В. Лебедева-Кумача

Артели Горьковского края все еще не могут наладить производство игрушек. Крайпромсовет никак не помогает артелям.

А

Алексей Максимович, скажите об этом, А то без игрушек мы будем и летом!

Если родители не умеют дать ребятам дома хотя бы небольших бытовых удобств, естественно, что ребята не успевают в школе.

Е

Есть ли возможность готовить урон, Если отсутствует свой уголок?

Лечение детей колхозников еще не везде хорошо налажено.

Л

Лечение знахаря — отравы, Лечебниц ждем от Наркомздрава!

Банно-прачечные тресты Москвы никак не могут организовать специальные часы для купанья школьников.

Б

Банный трест спокойно спит, Бедный школьник не помыт!

Жасть зачастую не отводят детям помещений не только в доме, но и на дворе, и всякую детскую игру рассматривают как хулиганство.

Ж

Жасть, послушайте, где ж нам играть? Жалко вам, что ли, площадку нам дать?

Музыканты не создают детской музыки. Дети поют, что попало.

М

Музыку детям дать пора, Мотивы плохие поет детвора.

Взрослые писатели не выполняют своих обязательств перед детьми.

В

Взрослые писатели! Не лейте пули: Вам ребята верили, а вы их обманули!

ЗРК ОРС завода «Серп и молот» проявил полную бездеятельность в части детского снабжения и не завез товаров для школьников. Это не единичный случай.

З

Зачем, зачем ты, Зв-Эр-Ка, Забыл совсем ученика?

Нерентабельность детских кино — главный тормоз их развития и существования.

Н

Нельзя на детях наживаться, — Нам тоже надо развлекаться.

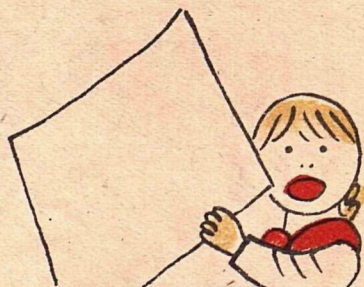
Громадный спрос со стороны колхозников на детские кровати и ванночки остается неудовлетворенным. Кооперация и торгующие организации к этому спросу не подготовились.

Г

Где, скажите мне, достать Грише ванну и кровать?

И

Извольте скорей обеспечить ребят! Иначе партс'езду представим доклад!

О

Отцы и матери! Внимание! Октябрь — в основу воспитания!

Детская библиотека им. Ухтомского в Москве не отапливается.

Д

День провел в библиотеке, Доставая микстур в аптеке!

Критика уделяет чрезвычайно мало внимания детским театрам.

К

Критики вы, критики, К нам вы загляните-ка!

Патефоны для детей должны были быть изготовлены московской промкооперацией еще к Октябрьской годовщине. До сих пор их нет.

П

Петя старым стал, как дед, Патефонов нет, как нет!

ИХ ТРЕБОВАНИЙ

Рисунки Л. Бродаты

Резинообъединение категорически отказывается выпускать школьную резинку для стирания карандаша.

Резинкой не сотрешь никак:
„Резинотрест для школы — враг“.

Харьковские швейные ф-ки им. Тинякова и „Красный швейник“ без конца планируют, но ни одного детского пальто еще не дали.

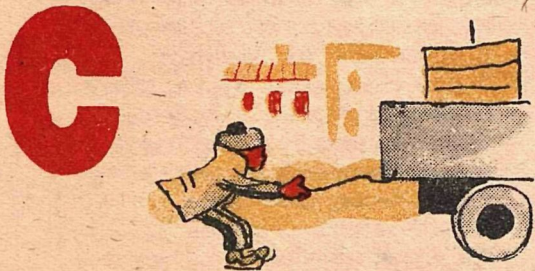

Хорошие планы, но где же пальто?
Ходить в промфинпланах не может никто.

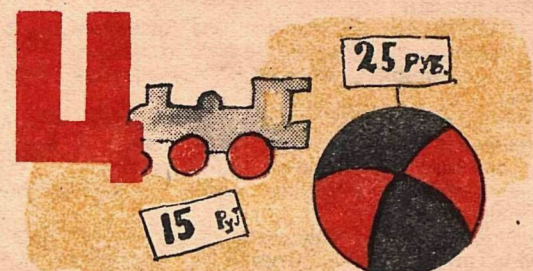
Эй, тети и дяди! Прошу вас срочно
Эту заявку выполнить точно!

Стадионы „Динамо“ и ЦДКА категорически отказываются организовать детские катки во время школьных каникул.

Стадионы „Динамо“ и Це-Де-Ка,
Стыдно лишать ребятшек катка!

Цены на игрушки чрезвычайно высокие: грузовой автомобильчик стоит 10—18 руб., конструктор—40—65 руб.

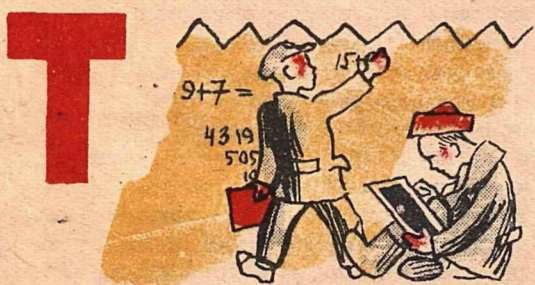
Цены назначили — не подступит!
Целую дачу дешевле купить!

Юля Восковцева, шестилетняя дочь рабочего Магнитостроя, не ходит в детский сад, потому что ни в одном магазине на Магнитке нет детской обуви.

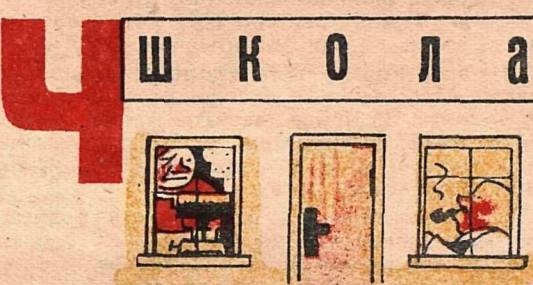
Юг — далеко. Нет ботинок у Юли.
Юля Восковцева выйдет в июле.

Тетрадей не хватает не только в колхозах, но и в крупных промышленных центрах и в самой Москве.

Тетрадей мало для ребят.
Товарищи! Кто виноват?

Часто школьные помещения заняты под учреждения и квартиры. Из-за этого в Свердловске 73 группы вынуждены заниматься в третьей смене.

Чужих из школы удалить,
Чтоб ночью в школу не ходить.

Ясли и детские сады Сев. Кавказа плохо ремонтируются и не обеспечены топливом. Сельсоветы не заботятся о детских учреждениях.

Ясли — промерзли, в ремонт они просят,
Ясно, к яслям прохладно относятся.

Учителя Климовичского района (Белоруссия) вынуждены сами возить дрова для школы.

Учитесь, ребятни, уж как-нибудь сами.
Учитель уехал в лесок за дровами.

Шведские счеты для школ, изготовляемые артелью Культпром, абсолютно не пригодны для работы: косточки не двигаются.

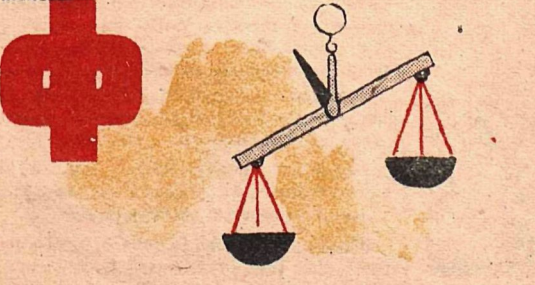
Шведские счеты — нелепой конструкции,
Школе не надо подобной продукции!

Ысли и детские сады Сев. Кавказа плохо ремонтируются и не обеспечены топливом. Сельсоветы не заботятся о детских учреждениях.

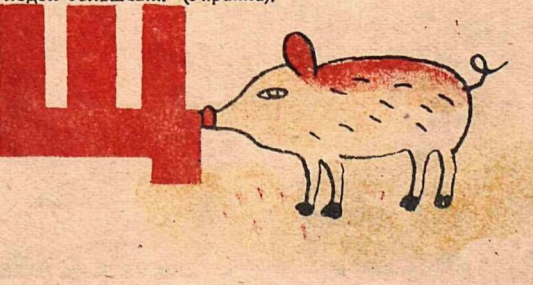
Ы-ы-ы-ы... Меня наказал отец!
Ы-ы-ы-ы... Положите копец!

Физические школьные приборы, изготовленные мастерами ЦАГИ, сделаны халтурно: приборы представляют собой куски необработанного дерева и железа.

Фирма ЦАГИ — не к лицу позор.
Физика требует точный прибор.

Щедрой рукой выпускаются на рынок детские книжки с нелепыми и халтурными иллюстрациями. Недавно ряд таких книжек выпустило издательство „Молодой большевик“ (Украина).

Щенок на картинке глядит издательством,
Щадите детей, дорогие издательства!

Ь всех, кто мешает нашим детям, По-крокодилски мы отметим, И, несмотря на мягкий знак, Возьмем в работу их вот так!

ЗЕРКАЛО

Первыми маленький Колька освоил в родном семействе слова:

— Даешь! У, холера! Буза! Заткнись! Катись! Сдохни!

Затем мальчуган начал осваивать и понимать целые фразы и даже диалоги в лицах.

Например:

— Раздавим по маленькой, Иван Павлович?

— Ну разве что по маленькой...

— От бутылки вина, Иван Павлович, не болит голова!

Или:

— Я этой твоей стерве все глаза кислотой выжгу!

— Молчать!..

— Сам молчи, кобель!

Затем уже подрастающий Колька начал осваивать понемногу и действия в соответствии с произносимыми фразами.

— Нализался! — встречала мать колькиного папашу. — Как еще домой-то добрался?

Стараясь ответить как можно убедительнее, папаша брал со стола тарелку и с размаху бросал ее на пол.

Р-раз — и белый диск тарелки, звякая, превращался в груды остроугольных черепков. Папаша хватал другую тарелку, разбивал, брался за третью...

В комнату на шум просачивались соседи. Мужчины, конечно, отстаивали хозяина.

— Уж и выпить мужчине нельзя. Что за мужская доля!

Женщины мягко распекали хозяйку:

— А вы бы, Анастасия Григорьевна, его поленом потыкали.

Анастасия Григорьевна утирала слезы чайным полотенцем.

— Четыре тарелочки раскокал, окаянный. Четыре тарелочки с зодочеными ободками и с цветочками!

За стенами этого комнатного узкого мира был мир пошире: двор, а со двора ворота вели в огромный мир — на улицу, которая широкой трубой пролежала между домов.

Во дворе развлечений было сравнительно немного. Ну, оборвали щетину усов у дворового кота; ну, выщипали перья у живой курицы; поймали крысу у мусорного ящика, скрутили ей проволокой хвост, проволоку прикрепили к оглобле перевернутых саней. Притащили кота. Крыса заметалась. У кота встала дыбом шерсть...

Нет, на улице было больше простора! По улице огольцы гоняли, цепляясь за проезжие подводы и мигая срываясь после крика:

-- Тикай, ребята, -- кнут показал..

Собирались вновь у какой-нибудь подворотни. Как вдруг из переулка раздавался взволнованно-радостный крик:

— Рыжий, косой, сюда бежите. Стекла бьют!

Но и разбитые стекла и подзаборный пьянчужка, которого два тощих пса обнюхивали и тыкали острые морды в его растрепанную бороду, недалеко уходили от комнатного мира подрастающего Кольки.

Колька видывал в родительском доме, как за столом с выпивкой и закусоном огрели по

уху одного важного гостя в джемпере и как этот гость обижался.

— Это что же? — шумел он. — Члена профсоюза? По уху? Будьте свидетелями!

Это не уступало уличным развлечениям. К тому же отец запретил улицу:

— По улицам гоняешь, щучий сын? Уличным стал. Хватит. Дома воспитывать будем. И кто вас выдумал? Дети? Цветы жизни. Цветочки. Венником вас. Крапивой!

Общими усилиями Кольку начали воспитывать на дому.

Вскоре к приходу гостей под выходной день, совпадающий с чем-то по старому стилю, Колька мог уже выступить кое с какими познаниями.

— Хороший у вас мальчик! — вежливо говорили гости, теребя колькины общедоступные в этом возрасте щеки.

Родители расплывались от удовольствия:

— Он все песни знает.

— Да ну, неужто?

Отец покровительственно добавлял:

— Он у нас и водку пьет. Только поднеси. А ну, Колька, изобрази-ка ты нам...

Все шумно наседали на Кольку, хлопали в ладоши, подхрюкивали:

— Не стесняйся, мальчик. Ну, что же ты, мальчик?

— Николай! — строго приказывал папаша. — Люди просят!

— Вали, давай, мальчик. Ты будешь петь, а мы будем пить. Споешь, — и тебе дадим.

И, решившись, Колька бессмысленно бормотал:

„Как я страдал, когда вдали ваш образ исчезал. Я не пошел за вами вслед. Я знал, что вас мои слова уж не вернут назад“.

— Браво! — визжали гости, — бра-во-о... бра-а!!!

— Так, теперь расскажи-ка ты им, — направлял родитель, — как, например, поступает неверная жена, когда законный супруг уезжает в служебную командировку?

— Неужели и это знает?

— Будьте покойнички. А ну-ка, Николенька, спой-ка еще ты им за уркана, как „болеть у его раны в глыбоке“. Давай!

Колька покорно затягивал.

И папаша окончательно торжествовал.

— Уж будьте покойнички. Он у нас по улицам зря не бегает. Воспитываем. Он у нас...

...На-днях Кольку привел домой милиционер. Колька вырос. Он уже молодой человек. Почти что — жених. На нем — клетчатая кепка, оранжевый шарф, белые гетры, пальто с невероятными плечами. Колька вырос, но почему-то плохо держался на ногах.

— Нарезался! — коротко сообщил родителям милиционер. — В клубе „Каучук“ стекло высадил, нос раскровянил осодмилцу. Получите вашего молодчика, распишитесь!

Папаша крякнул и расписался в разносной книге, мать заголосила:

— И в кого ты такой уродился? И откуда такое на старости лет наказание? И одедали-то мы тебя, и кормили мы тебя, и воспитывали-то мы тебя. И в кого же ты такой?..

Вместо ответа Колька взял со стола тарелку и с размаху бросил ее на пол.

Л. МИТНИЦКИЙ

А. СТОВРАЦКИЙ

ДЕТСКИЕ БУДНИ

Из кухни тянет запах едкий помоев, лука и котлет.

Уткнуло глаз в забор соседский окно, немывтое пять лет.

И с тусклым днем играет в жмурки обеспокоенная мгла.

И всходов не дают окурки, посеянные по углам.

И в коридоре, где мала и скупа „жилплощадь“ вообще, — непрошенные Гималаи обарахоненных вещей.

А из незримого каньона среди сундуковидных гор доносится непринужденный на хрустких нотах детский спор:

— Давай... Ты будешь Марь-Иванна, а я Кузьмич... — Ну, вот, мерси!

опять ты хочешь, чтоб из ванной я украдала керосин?

— Ну, ладно, хочешь в две соседки, как было в кухне, помнишь, Кать?

— Ну, да: я буду печь котлетки...

— А я тихонько их таскать...

— Потом скандалить будем, Юра?

— И драться будем... Хорошо?

— Давай! Кричи: Воровка! Дура!

Зачем стащила мой горшок?

— А ты котлету своровала...

— А ты мой ежик не бери...

— Ты что ж молчишь-то? Говори!

— А ты котлету своровала...

— Ты что твердишь, как попугай, — ты все по-разному ругай!

— А я по-разному не знаю.

— Ну, я с тобою не играю...

Слезами кончилась игра,

детшки разошлись, повздоря.

И серый сумрак со двора

печально никнет в коридоре,

и в этом сумраке седом

не видят пасмурного факта

ребячьих дней — правление жакта

и флегматичный управдом.

Им невдомек, для них — загадка

примером взять соседний двор,

где для детишек — детплощадка,

а не замшелый коридор;

где быт игрушкой новой скрашен, —

ведь наши дети — не кроты, —

детшки — будущее наше

и жизни яркие цветы!

„КРОКОДИЛ“

Контора дистанции пути станции Сновская, Западной дор., получила телеграмму от Гомельской метеорологической станции:

12 ЧАС 10 МИН СРЕДНЯ ОБЩАЯ МЕТЕЛЬ НЕ ПРЕКРАТИЛАСЬ НЕ ПРОДОЛЖАЛАСЬ 10 ЧАС ПРОДОЛЖАЕТСЯ МАЛЕНЬКИЙ СНЕГОПАД С ПЕРЕРЫВАМИ И Т. Д. И Т. П.

Работник дистанции тов. КЛИМОВИЧ вызывает к помощи „Крокодила“.

— Если вы что-либо поймете в этой телеграмме, я первый вношу свои средства на постройку самолета „Крокодил“.

Отвечаем:

— Телеграмма настолько сумбузна, что даже „Крокодилу“ в ней не разобраться. Но самолет „Крокодил“, тов. Климович, строить надо, а потому, хоть ваше условие и не выполнено, вы все же включайтесь в сбор средств. Ведь в самом деле, со всех сторон к нам поступают добровольные отчисления трудящихся, которые ставят только одно условие: постройте эскадрилью „Крокодила“ как можно скорее.

Заслуженный артист Виталий Лазаренко внес 1.042 р. 79 к., собранных среди

О КАЧЕСТВЕ ИГРУШЕК

Рис. Я. Завьялова

— Папа прислал игрушку, а что это, лошадь или корова, не написал.

(тема Я. Бельского)

В ВОЗДУХЕ

зрителей во время своих выступлений. Работник ростовского завода „Красный штамповщик“ тов. Сычев внес 5 руб., работники эстрады тов. Юморский — 20 руб.; тов. Рудь из гор. Чернобыля — 5 руб.; ленинградский читатель тов. Калаковский вносит 1 руб.; тов. Барсуков Назийских торфоразработок вносит 20 руб., чтоб „дать возможность „Крокодилу“ добраться до Назийских болот и всадишь кому следует вилы, так как там творятся большие безобразия“.

Даже находясь на больничной койке, читатели „Крокодила“ не забывают о своей обязанности: больные 7-го корпуса (б.) московского отделения Боткинской больницы внесли на постройку самолета „Крокодил“ 100 р. 30 коп. „Крокодил“ благодарит товарищей и желает им скорейшего выздоровления.

Ко всем этим взносам надо прибавить 970 рублей, отчисленных сотрудниками „Крокодила“ из гонорара.

Сбор продолжается. Не забудьте наш счет: Москва, Октябрьское отделение Госбанка, текущий счет издательства „Правда“ № 102, на самолет „Крокодил“.

АРИОЗО И КРИТИКОЗО

Трудно, ах, как трудно работать в театре для детей!

Начинается с драматурга.

«Здравствуйте,—говорим мы ему, преувеличенно улыбаясь.—Не напишете ли нам пьесочку? — «Я бы, конечно, написал, — говорит драматург,—только хлопот с этим делом много».

Идем мы к друтому, к своему, так сказать, человеку. Он сидит за столом в мрачном состоянии. Жена ему тарелку щей наливает. «А второе,—говорит,—есть будем, когда ты для взрослых сочинить догадаешься». Автор ничего возразить не может, потому что против него рапортничка Всероскомдрама: «Причитается вам получить с сентября по январь за четыре пьесы, идущие в сорока одном ТЮЗ, 73 рубля и 11 копеек». «Ничего,—утешаем мы его,—зато, что потом будет, когда к детям лицом повернутся! В газетах о вас писать начнут, авторские, как во взрослом театре. Уже не долго ждать осталось».

Трудно, ах, как трудно уговорить драматурга на новую пьесочку. Зато как договор подписал, берем его в серьезный оборот.

И вот года через полтора пьесочка получается просто всем на удивление! Идем к композитору. Тот ставит вопрос ребром: «Музыки много?» — «Часа на полтора», — отвечаем мы, хотя знаем, что не меньше, чем на два. «Так! Я в кино за сорок пять минут взял пять тысяч, значит с вас придется...» — «Пятьсот рублей», — шепчем мы, — больше у нас нет». Обычно композитор говорит: «Я не так богат, чтобы позволить себе роскошь писать для детского театра». Но есть и такие, которые соглашаются. Конечно мы обещаем таким энтузиастам, что критика на них во всех газетах появится, обещаем всеобщее уважение и славу, потому что надо же что-нибудь обещать, если за пятьсот рублей заставляешь человека сочинять тысячу страниц партитуры, не считая клавира.

Потом художник... Э, да что вспоминать!

Но вот, наконец, макет готов, и можно делать декорации. Приходит заведующий монтировочной частью: «Фанеры достать невозможно!» — «Почему же администратор Кошкин из оперетты достал, а вы не можете?» — рычим мы на него. «Вот сравнили: оперетта всем контрамарки раздает,—так ей нето чо фанеру—и гвозди достать могут. А наша контрамарка кому нужна? Любимая девушка на такую контрамарку даже обидеться может...»

Актеры репетируют долго — месяца три лезут из кожи вон и лишь изредка вздыхают: «Опять о нас, наверно, ничего не напишут!»

«Напишут, напишут,—утешаешь их,— в точности как о спектакле для взрослых напишут: каждого артиста разберут и похвалят и выручают. Кстати... давайте ночную репетицию сегодня провернем! А?»

Наконец все готово, и день премьеры назначен. И тут начинается самое трудное. Как сделать так, чтобы теакритики пришли и по-критиковали? Приходишь в редакцию и видишь: сидит такой с виду добродушный лысый дяденька и с довольным видом вертит приглашение в Камерный театр, а тут курьерша ему еще билет к Вахтангову тащит. «Еще премьеры,—мурлычет критик,—декада обещает быть интересной и приятной». И тут ты подходишь и робким голосом приглашаешь критика в детский театр. «Куда?» — переспросит критик, и чувствуешь, что испортил ты ему и декаду и настроение.

Бывают и другие. Эти долго жмут руку, сердечно просят присесть и подолгу разговаривают. «Я вам сына пришлю». — «Нам, видите, важно, чтобы в газете...» — Для детского театра это не так важно, а зато зритель у вас будет замечательный... Вы знаете, моему Вавочке уже три года и...» — «Простите, но у нас как раз этот спектакль для подростков: от двенадцати лет и старше». У критика делается обиженное выражение лица.

Но вот, наконец, наступает премьера — результат стольких трудов и волнений! Девятнадцать критиков не пришло совсем, семь прислали вместо себя детей знакомых, один — свою старую бабушку. Пришло только три критика, из них один — к началу, один — ко второму и один — к четвертому акту.

И вот в результате всех стараний появляется критика на спектакль. Не касаясь исключений, которые, как известно, только подтверждают правило, критика о детском театре разделяется на четыре основных вида, которым можно дать условные подзаголовки: «Песнь торжествующей обезлички», «Я, конечно, не педагог», «Театр для детей — дело ответственное», «И др. и пр.».

1. Песнь торжествующей обезлички.

Не мало полезных развлечений дается нашим детишкам. Виденный нами спектаклик подтверждает эту нашу мысль. Недурная пьеска, доступная музычка, пестрые декорации и вдобавок симпатичная постановочка. Из исполнителей трудно выделить кого-нибудь, да это и не нужно,—достаточно отметить, что все были на своих местечках. Говорят, что сейчас по Советскому союзу около ста детских театров. Очень возможно! Если это действительно так и если они работают так же, как виденный нами театрик, то можно только пожалеть, что пишущий эти строки уже вышел из детского возраста и — увы! — не может больше лично развиваться в кругу советской детворы.

Гуманный-Кашкин.

2. Я, конечно, не педагог.

Я, конечно, не педагог, и поэтому мне трудно судить о педагогическом воздействии отчетного спектакля «Кто кого» в Центральном театре советского ребенка. Однако и не педагогу бросается в глаза прежде всего претенциозное заглавие пьесы. Я, конечно, не педагог, но заглавие «Кто кого» определенно пытается посеять неверие в детские сердца! Дескать, неизвестно еще, кто в конечном счете одержит победу. Тогда и автора и театр следует открыто призвать к порядку. Невольно напрашивается вопрос: что же они хотят воспитать нытиков или малозверов или то и другое вместе? Я, конечно, не педагог, но я нахожу совершенно излишним говорить о художественном качестве спектакля, имеющего столь сомнительное с педагогической точки зрения заглавие, а, следовательно, и установку.

Апполонский.

3. Театр для детей — дело ответственное.

Театр для детей — дело ответственное и важное. Это пора, наконец, понять. Драматург Шестиперстов дал пьесу настолько ценную, что ей могут позавидовать некоторые театры для взрослых. Кстати, непонятно, почему Шестиперстов до сих пор не попробует своих сил на сцене настоящего театра. Следует отметить также художественный рост артиста Гречнева, который вполне достоин того, чтобы играть в том же Театре революции. УМЗП следует также подумать о выдвижении талантливого композитора Тигрушина, музыка которого вполне хороша даже и для взрослых. В целом, спектакль получился нужный. Театр для детей — дело важное и ответственное, мы еще недостаточно уделяем ему внимания, и этим участком следует заняться. И серьезно заняться!

Разумнов-Крыса.

4. «Итоги этого сезона следует признать интересными. Достаточно отметить театр Вахтангова, Художественный 2-й, Сатиры, Госет и др. и пр.»...

— Стой! Наконец-то. Вот это уже, наверное, про нас! «И др. и пр.» — именно тут-то и следует искать оценку спектакля для детей.

Нет, нам на критиков жаловаться грешно. Они нас вспоминают все-таки. «И др. и пр.» — коротко и ясно! Ну, спасибо!

С и др. (дружеским)

пр. (приветом)

НАТАЛИЯ САЦ

ОКТАБРЕНОК

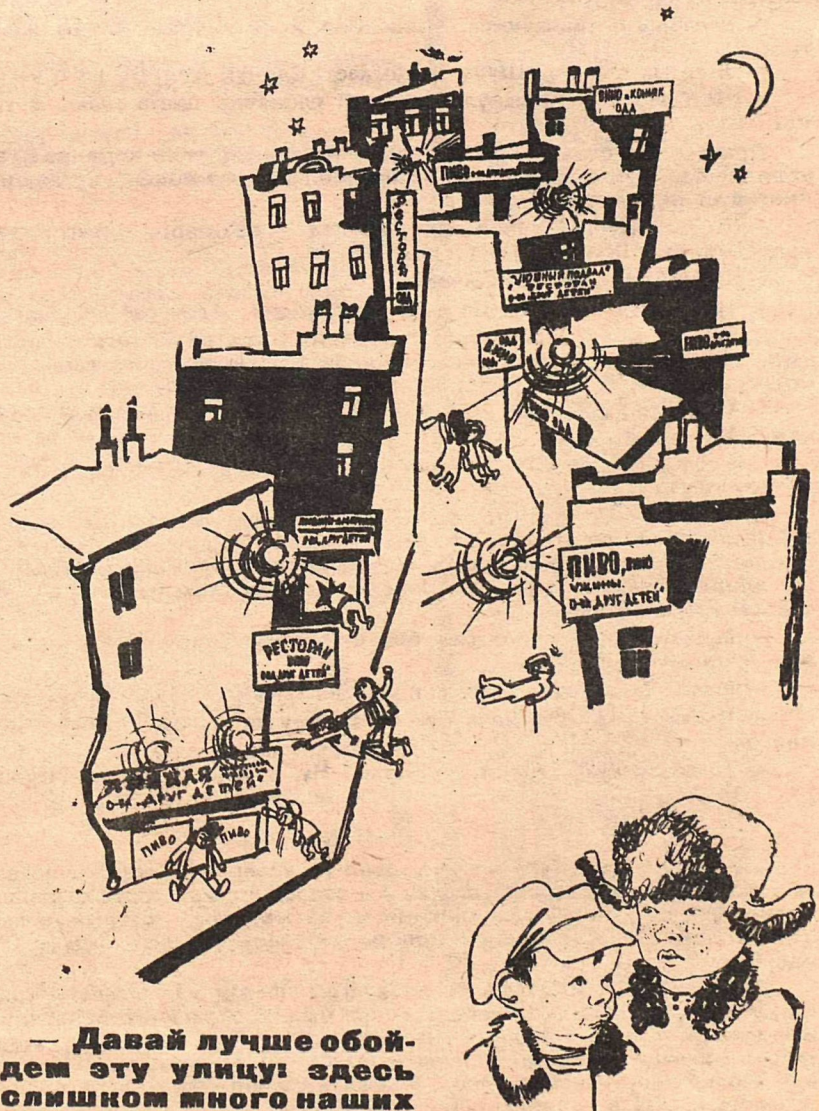
Крошечный пальчик
Засунувши в рот,
Маленький мальчик
С огромным бульдогом.
Какая-то дама
В трауре строгом
К нему наклонилась
Нежно, как мама,
Звездами глазок пленилась,
Вспомнила, может быть, сына...

И вдруг карапуз
Брови чуть видные вскинул
И вымолвил гордо:
— Какой же ты трус!
Ты боишься Милорда?
И даму смущенную взяв
За черный рукав,
Мимо собаки провел.

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Обследованнием ЦКК РКН обнаружено, что в ведении общества «Друг детей» имеются торгово-коммерческие предприятия (бильярдные, пивные и др.).

Рис. М. Храпового

(тема Я. Бельского)

БЕДНЫЙ ШУРА

Новому человеку — новое воспитание, а одним из первых элементов, которые формируют его сознание и мироощущение, является игрушка.

В теории я знаю это давно. На практике меня познакомил с этой истиной мой сосед, молодое существо четырех лет с замечательными синими, всегда удивленными глазами, с дерзко вздернутым розовым носом и с прозаической фамилией — Шура Межакин.

Третьего дня он интригуяще взял меня за руку, отвел к себе в комнату и деловито спросил:

— Ты женщин много видел?

Я наклонился к нему и игриво подмигнул.

— Многовато повидал-таки на своем веку, старик, особ упомянутого тобой пола.

— И все кривоногие?

— Попадались, конечно, и не без этого, — немного растяжно отозвался я, — но сказать, чтоб поголовно, — это уж будет слишком.

— И ухов у них нет, — печально добавил мой собеседник, обиженно засопев.

— Тоже преувеличение, — начал было я, но посмотрел налево на столик, где лежала одинокая кукла, и замолчал. Это был наскоро созданный тип безухого существа с одной короткой ногой и головой, лихо поставленной набок стараниями московской фабрики „Все для ребенка“. Повидимому, она и начала формировать представление моего собеседника о суммированном идеале женщины.

— Ты брось эту куклу, Шура. Она немного того... Глуповатая кукла...

Шура сердито посмотрел в сторону и угрюмо сказал:

— А ты — свинья!

— Почему ты ругаешься, Шура? Разве это хорошо?

— Я не ругаюсь. Она — розовая.

— Кто розовая?

— Свинья розовая. Все свиньи розовые бывают.

— Кто это тебе сказал?

— А вот.

Шура молчаливо подал мне терпеливое изделие вологодских кустарей. Это был тот же традиционный Мишка, но весело выкрашенный в розовую краску и благодаря этой несложной трансформации проживающий в игрушечных магазинах на социальном положении свиньи.

— Свиньи, Шура, розовые не бывают. Свиньи, Шура, преимущественно бурые и пачкаются.

— Свиньи не пачкаются, — поправил меня Вася, — автомобили пачкаются.

Он протянул мне деревянный автомобиль, который при первом моем прикосновении к нему оставил на пальцах две безнадежных, зеленую и синюю, полосы.

— А слоны не пачкаются, — успокоил меня Шура, — слоны желтые.

— Желтых слонов, Шура, не бывает. Слонам желтеть не с чего.

— Не бывает? — усмехнулся он. — Я слонячьи цвета знаю, а ты нет.

Предо мной оказался веселенький желтенький слон изделия Всекопинсоюза, слегка смахивающий на лошадь в тот момент, когда она имитирует немолодую корову.

— Ты бы, Шура, — уклончиво перевел я разговор, — другим занялся, что ли... Домики бы строил... А?

— Таких игрушков не бывает.

— Ну, что ты, что ты... Да вот, пожалуйста... Твоя же игрушка...

На стуле стоял „конструктор“ изделия Культснабторга с десятками гаечек, планок, маленьких болтиков для складывания самых замысловатых фигур и сооружений.

— Рекомендую, Шура, — назидательно предложил я, — это, брат каждый ребенок может...

— Ребенки не могут, — уныло вздохнул Шура, — взрослые тоже не могут.

Шура оказался прав. Каждый болт и планка в этой незамысловатой игре были пригнаны так, что скрепить их друг с другом мог человек, одаренный лишь исключительным счастьем, или при помощи мощного парового молота. Через полчаса я в отчаянии поднялся с пола и посоветовал:

— Может, в мячик поиграл бы, старичок? Хорошая эта игра в мяч, честное слово...

— Мячов нет, — категорически заявил Шура, — мячов не бывает.

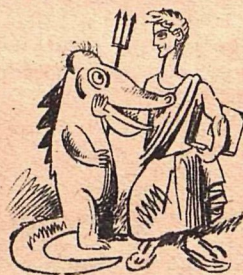
— Пустяки. Что для мяча нужно? Резину да воздух. Резины у нас много...

— Тогда воздуху, значит, нехватает. Ну, ты иди, я один поиграю.

Мы разошлись. Шура остался один и, наверное, напряженно думал о том, какие несчастные люди — взрослые. Они сидят с кривоногими и косоголовыми спутницами на автомобилях, которые пачкаются, путают желтых слонов с синими коровами и ищут воздуха для мячей.

Ему, наверное, было жалко меня. А я сидел и жалел его. Перед глазами у меня лежала газета, а в ней были заманчивые обещания для детской пылливой души: Гомсельмаш в качестве детской увлекательной игрушки выпускает силосорез для резки натуральной соломы, а одна херсонская фабрика — еще более занимательную игрушку: „грохота и сита в барабане“. Бедный Шура...

Ари. БУХОВ

СМЕХ ЧАСТО СИЛЬНЕЕ И ЛУЧШЕ РЕЗКОСТИ РЕШАЕТ БОЛЬШИЕ ДЕЛА.

ГОРАЦИЙ.
(Сатиры)

РАЗИ, ОСМЕИВАЙ ПОРОК,
ШУТЯ, НАКАЗЫВАЙ СМЕШНОЕ!

А. ПУШКИН
(„К Батюшкову“)

ХОТЬ ЕСТЬ ОХОТНИКИ ПОПОДЛИ-
ЧАТЬ ВЕЗДЕ,
ДА НЫНЧЕ СМЕХ СТРАШИТ И
ДЕРЖИТ ИХ В УЗДЕ.

А. ГРИБОЕДОВ
(„Горе от ума“)

ВОЗВРАТИМ СМЕХУ ЕГО НА-
СТОЯЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ.

Н. ГОГОЛЬ
(„Развязка Ревизора“)

КРОКОДИЛ

ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ КО ВСЕМ
ПРЕДЫДУЩИМ ОРАТОРАМ
И ПРОДОЛЖАЕТ
ПОДПИСКУ
НА 1934 ГОД

XII год
издания

XII год
издания

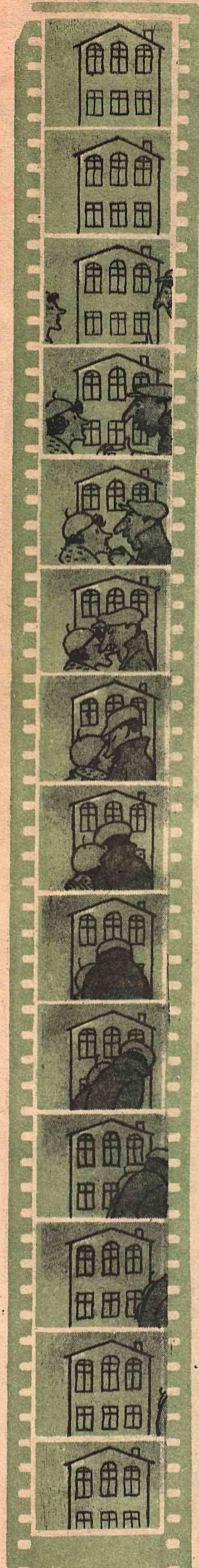
**В НАСТУПАЮЩЕМ ГОДУ ЖУРНАЛ
БУДЕТ ВЫХОДИТЬ В УВЕЛИЧЕННОМ
РАЗМЕРЕ**

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ „КРОКОДИЛ“

НА 1 МЕС. — 90 КОП.
НА 3 МЕС. — 2 Р. 70 КОП.
НА 6 МЕС. — 5 Р. 40 КОП.
НА 12 МЕС. — 10 Р. 80 КОП.

Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, письменноносцами, сельписьмоносцами, сборщиками подписки на предприятиях и в учреждениях и уполномоченными „Гудка“ на транспорте.

Рис. К. Р.

Я П О Н С К И Й Г У С Е Н О К

Утомившееся за день солнце явно торопилось поскорее сесть на сиреневые облачные пуховики. Вечер наступал быстро. Легкий ветерок принес из села уютный запах готовящегося ужина. Мальчики переглянулись, и младший, Семка, юный пионер и колхозный гусиный пастух, сказал:

— Давай, Колька, гусей считать — и айда домой! Больно жрать охота!
Двенадцатилетний Колька, белобрысый мужчина с толстой, будто ужаленной верхней губой, ответил басом:

— И то, пора! Считаю своих, мои уже считаны.
Разделенные на два отряда гуси мирно пощипывали траву и болтали о птичьих своих делах на тарабарском гусином жаргоне.

Сначала Семка сосчитал гусынь, — они оказались на месте. Затем он мысленно зарегистрировал гусака — Петра Ивановича — и вдруг обнаружил, что в стаде не хватает одного гусенка по имени „Жулик“.

Он сосчитал еще раз, — гусенка не было. Он обшарил все кусты, сбегал к речке, даже слезал на самую макушку высоко-о-кой осины, одиноко сторожившей гусиные холмы, как будто гусенок смог спрятаться от него на дерево. — „Жулика“ нигде не было. Пропал „Жулик“ бесследно, а вместе с ним пропала и слава первого ударника, и завистливое уважение остальных пастухов, и обещанная колхозом премия, и отчаянная пионерская гордость.

Стало ясно, что „Жулик“ пропал в тот роковой час, когда Семка погнался за самолетом, низко, низко пролетевшим над гусиными холмами. Ребятам показалось, что самолет собирается сесть на том берегу речки. Бросив своих гусей на Кольку, Семка быстро, в плыв, переправился через речонку и, приветственно крича, погнался за легкой тенью самолета, скользившей по лугу, словно рябь по озеру. А летчик только подразнил ребят. Сделав над лугом несколько кругов, самолет неожиданно взмыл вверх и растаял в лазури.

Первым желанием у Семки, когда он окончательно убедился в пропаже гусенка, было желание поплакать, но, вспомнив, что пионеры не плачут, он взял себя в руки и стал размышлять о случившемся. Представив, как будет он говорить о пропаже „Жулика“ старшему птичнику — кривому Митричу и как тот, звытельно прищуриив едн-львенный глаз, скажет: „Эх, ты, ударник сопливый!“ — Семка понял, что ему не пережить позора. Брешь в стаде нужно было заполнить во что бы то ни стало.

— Колька! — позвал он товарища, с безучастным видом наблюдавшего умирание заката. — У меня гусенок пропал. „Жуликом“ звать. На клюве серенькое пятнышко маховое. Это ты, язва, не уберег, когда я за аэроплантом бегал. Обожди, не гони стадо, я сейчас

Он исчез прежде, чем Колька успел открыть рот для ответа.
Семка пробирался задом. Он перелезал через заборы, падал в заросли крапивы, обжигаясь и вскрикивая от боли. Он отбивался от собак палками и камнями. Он полз на животе, как ящерица. Сердце его колотилось шибко, шибко, соленый пот струился по щекам.

Наконец Семка достиг своего двора. Перемахнув через знакомый забор, мальчик оглянулся. Во дворе никого не было. Красивая японская гусыня с гусятами — гордость двора — важно прогуливалась около сарая, наставляя уму-разуму своих наследников.

„Мамки дома нет. Наверно, за горовой пошла!“ — подумал Семка, хищно подкрадываясь к гусыне. Он ловко схватил одного гусенка за хвост, сунул его голову себе подмышку и бросился наутек. Гусыня закричала дурным голосом и успела так ухватить Семку за мягкое место, когда мальчик перелезал через забор. На вопль гусыни из избы выскочила бабушка Аксиныя, но было уже поздно. Старуха увидела лишь спину неведомого похитителя и заголосила дуэтом с японской гусыней.

Изнемогая от пережитых волнений и усталости, с полумертвым японским гусенком подмышкой, Семка вернулся к своему стаду на холмы. Опустив добычу на землю, он сел, прислонясь к осине, и неожиданно для самого себя горько заплакал. Болело укушенное гусыней место, жалко было бабу, вообще было как-то не по себе.

Колька долго с сожалением глядел на вздрагивающие семкины плечи, покусывая припухлую верхнюю губу и моргая глазами. Видимо, он никак не решался начать разговор. Наконец решился.

— Это ты дома японского... взял? — нерешительно спросил он Семку.
— Дома! — сквозь слезы ответил Семка. — Взял! Бабка чуть не померла, кричавши. Митрич, чорт кривой, все равно не заметит. Он по счету принимает. А японский даже лучше „Жулика“. В десять раз лучше.

Он заплакал еще горше.
— Сем, а Сем, — мягко сказал тогда Колька, — ты не плачь, Сем, вот он „Жулик“ твой, смотри. Я его к себе в стадо забрал. Это у меня, Сема, ястреб гусенка украл. Я тогда на аэроплант загляделся, а он, гад, как сиганет, — только перышки засверкали. Ну я и... забрал „Жулика“ к себе, думал, ты не заметишь. Вот он, „Жулик“, смотри!

Семка поднял голову и рукавом вытер слезы. Лицо его мгновенно осветилось улыбкой. „Жулик“, живой „Жулик“ с отличительным сереньким пятнышком на клюве сидел на руках Кольки и косил круглым бисерным глазом. Семка выхватил его из колыкиных рук, прижал к себе, стал гладить по нежной пуховой спинке.

Когда прошли первые минуты восторгов, Семка вспомнил про похищенного япончика. „Что с ним делать? Нести назад? Можно незаметно подбросить назад во двор“.

Взгляд его упал на Кольку. Отвернувшись, семкин соратник уныло-третий раз пересчитывал глазами свое стадо.

— Колька, слушай сюда, — сказал Семка. — На, так и быть, бери японского себе, сдашь Митричу в колхоз вместо пропавшего. Он, чорт кривой, все равно не заметит. Ему бы только число еошло.

Вечером за ужином мать, нарезаая хлеб, сказала Семке, сокрушенно покачав головой.

— Беда-то у нас какая. Семушка. Какой-то оголец, разбойник, прости господи, гусенка японского украл. Бабушка Аксиныя до того напугалась, бедная, — едва живая лежит.

Семка поперхнулся борщом, покраснел, посопел носом. Потом, справившись с собой, сказал солидно:

— Ты, мамка, не горюй. Вот премируют меня в колхозе, — я тебе двух японских куплю, честное пионерское.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

КОГДА БУДЕТ ВЫПОЛНЕН ДОГОВОР

Один писатель заключил договор с Детгизом на книгу для детей среднего возраста.

Через некоторое время его спросил один знакомый:

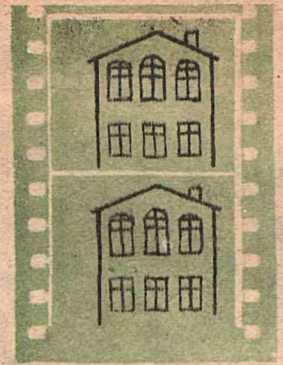
— Ну, как, пишете книгу для детей?
— Во избежание хаотур, — сказала писатель, — я решила взять материал для книги жизни моих собственных детей. Но пока я ведь только второй месяц, как жедат...

НАШИ ДЕТИ

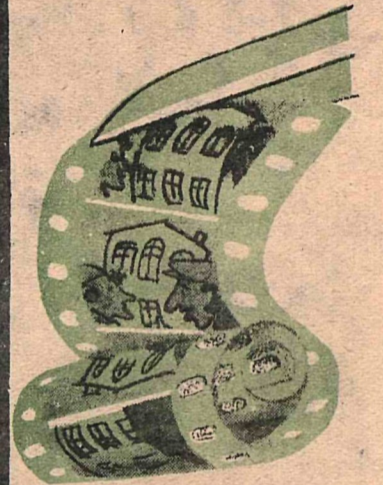
Однажды маленький Володя упал, ушибся и начал реветь.

— Ну, зачем плакать? — принялась утешать его сестренка. — Ведь ты хочешь быть летчиком и всегда играешь в аэропланы. Ну, вот аэроплан и упал. А летчики, когда ушибутся не плачут!

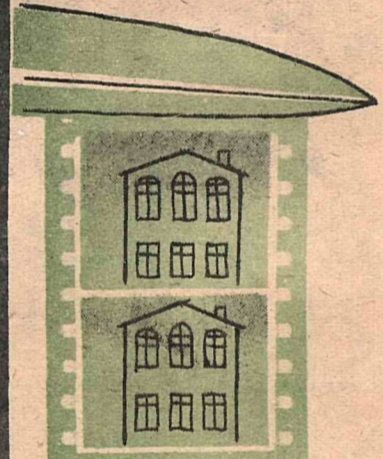
— Да я не потому плачу, что ушибся, — protestовал Володя, — мне сломанный аэроплан жалко!

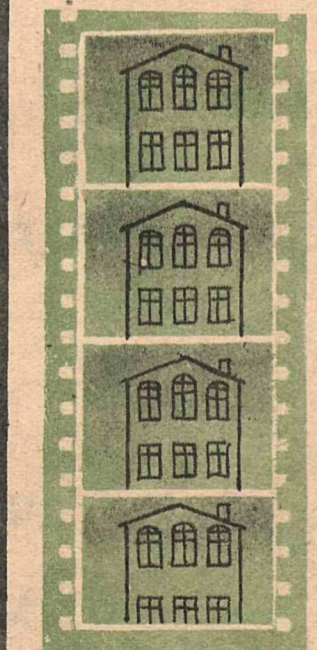
Все кунии, неприемлемые педагогической точки зрения, удаляются при помощи ножниц...

... До последнего сснительного кадра.

Оставшиеся куски фильма склеиваются в любом порядке...

И... безопасный, оригинальный, новый детский фильм готов!

(Тема Н. Сау)

Детские фильмы делаются так. Берется любой второсортный фильм для взрослых...

45-5
14
1205

АРХИ
19 ЯНВ
Г. Ц. Н. П.

Рис. Ю. Ганфа

ЛИШНИЕ РТЫ

(Песенка западной работницы)

Отца все нет, а скоро ночь...
 Гудит метель в трубе холодной.
 Спи, моя маленькая дочь,
 Спи, птенчик мой, всегда голодный!
 Отец опять пустой придет
 И скажет, что ты лишний рот.

Ах, рот твой бледненький так мал,
 Так грусны глаз большие вишни...
 Какой палач там приказал
 Отцу считать твой ротик лишним?
 Ведь папа нас любил всегда...
 Проклятый голод и нужда!

Не знаешь ты, как трудно мне —
 Всегда усталой от заботы —
 Хорошей мамой быть в стране,
 Где нет ни хлеба ни работы!
 Быть может, я плохая мать,
 Но где мне сил для ласки взять?

На полках хлеб и пирожки,
 В витринах — шубки и игрушки,
 А я сжимаю кулаки,
 И нет в кармане ни полушки.
 И вместо пряников и книг
 Несу тебе я боль и крик.

И глядя голову твою,
 Я чувствую глухую горечь:
 — Что если ты судьбу мою
 Во всем безрадостно повторишь, —
 И будешь нынче и потом
 Всегда голодным лишним ртом?

Иль, может быть, ты детский рот
 Намажешь краской ярко красной,
 Чтоб стать игрушкой для господ,
 Нарядной, жалкой и несчастной?
 Нет, нет, мой птенчик! Никогда!
 Уж лучше горе и нужда!

Ты засмеялась. Этот смех
 Мне говорит, что есть на свете
 Страна, где труд и хлеб — для всех,
 Где радостно смеются дети!
 Постой, родная, и для нас
 Засветит солнца желтый глаз!

Что толку брызгать солью слез
 На корку, данною судьбою?
 Обед не сделаешь из грез.
 Бороться будем мы с тобою!
 Ты будешь умной, смелой, злой,
 Чтоб крикнуть во-время — „Долой!“

Я выйду с армией подруг,
 И вы пойдете вместе с нами,
 И взмахом наших жестких рук
 Мы вас подымаем, точно знамя.
 И хлопнут тысячи дверей
 В квартирах жен и матерей.

И мы найдем среди ярких зал,
 Среди столов, от пищи пышных,
 Того, кто наши рты связал
 И записал их в список лишних.
 И пусть его зловонный рот
 Слюной кровавой потечет!

Спи, моя маленькая дочь,
 Закрой пушистые ресницы!
 Пускай тебе сквозь мрак и ночь
 Страна веселая приснится,
 Где звонки крики: „Будь готов!“
 Где нет нужды и лишних ртов.

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ